

Хороший
день
плохого
человека

Денис
Прохор

Денис Викторович Прохор
Хороший день
плохого человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68960913

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой хирург Алан Борисович Тумаев сталкивается с ситуацией, в которой просто обязан поступить героически. Фигурально прооперировать самого себя. А может быть и не совсем фигурально?

Денис Прохор Хороший день

плохого человека

В мажористую, красивую и толстую, московскую ночь прилетел вертолет из Донецка. Он опустился на плоскую крышу высокого здания с прозрачными лиловыми и синими стенами. Ночь открыла глаза. Испуганные. Желтые. Свет загорелся в окнах. От неба до земли. От последнего этажа и до первого. Центр сердечной индустрии. Новолепелихинское шоссе 8 корпус 3. Знаменитый «Серцеград». Он задышал и задвигался. Быстро и споро по длинным и прямым коридорам бежали ночные санитары. Шумели колеса на резиновом ходу. На каталке под капельницей лежал ребенок. Девочка. Белые длинные пальчики тонко дрожали на синем больничном одеяле.

– Семенова Света. 10 лет. Осколочное. Левый желудочек. – говорила на ходу медсестра Лиза Ивакина. Молодая, добрая. Из-под больничного колпака золотые колечки волос все ползли и ползли. Рядом и мимо инструкций.

– Левый желудочек? – уточнил дежурный хирург Алан Борисович Тумаев. Он подождал Лизу.

– Предварительно, Алан Борисович. Диагноз в Донецке ставили. Вот ангиография.

Алан Борисович взял у Лизы папку. Бегло пролистал уже в операционной. Изучил рентгеновское черно-белое сердце в папке. Увидел в левом желудочке светлое неровное пятнышко. Для маленького сердца куда как солидно. 2 миллиметра. Может и больше. Алан положил руку на лоб пациентки. Он был сухой и горячий. Очень горячий. Как давно забытый, но, вспыхнувший ярким пламенем, страх. Алан отдернул руку. Увидел глаза старого друга, анестезиолога Борзенко над противовирусной маской.

– Звоним Колясникову, Алан Борисович? – спросил Борзенко.

– Нет... – сначала мягко, а затем твердо возразил Тумаев. – Нет. Справимся. Готовьте к операции.

В ординаторской Алан завел кофемашину. У Борзенко в ящике стола разыскал сигареты. Долго искал зажигалку. Наконец, закурил и через пару бестолковых затяжек с порцией слезливого кашля, выбросил сигарету в окно. Выпил чашечку фильтрованного эспрессо и опустил в именное кожаное кресло. Пора было что-то думать. А главное. Пора было что-то решать.

«Первое и главное. Я могу и умею». – надумывал себе Алан Борисович. – « Это будет... 24 моя операция. Диагностика приемлемая. Осколок в верхушке. Перикард более-менее и тампонада... Осколок не гуляет. Фиксирован трабекулами. Останавливаем сердце. Маленький разрез. Собственно все. Изъяли, зашили. Патологии отсутствуют. Месяц, два

и будет бегать и будет прыгать. Я знаю». Алан Борисович расплылся мечтательно в кресле: «Надо же... Ведь что за история может получиться киношная. Жиес! Профессор Вознесенский оценит. У него Беслан. У меня Донецк. А между нами пацан из Осетии. С акцентом, носом и осколком в сердце. Да. Осколком в сердце. Вознесенский не устоит. Один в один. Какой там Колясников. Моя будет кафедра».

В оконном стекле появилось розовое и холодное солнце. Начал белеть воздух и сыпались с неба пересидевшие свои звезды. В ординаторской замигала лампочка на старинном гербовом телефоне. Реликвии профессора Вознесенского.

– Алан Борисович? Все готово.

– Хорошо, Лиза. Буду.

Тумаев положил трубку. Подошел к умывальнику и посмотрел в круглое несерьезное зеркальце. Согласился с тем, что увидел и вышел, не закрыв за собой дверь. Под ослепительным и мертвым светом операционной девочка Света выглядела совсем крохотной. Худенькая, с тонкой кожей и мечтами, мечтами. Лиза Ивакина уже обработала антисептиком грудной отдел. Алан Борисович опять размял свои мягкие и сильные ладони.

– Начинаем. Первый этап – торжественно объявил он и продолжил думать.

«Срединная стернотомия. Разрез от яремного выреза грудины до мочевидного отростка снизу. С этим шрамом девочка Света, девушка Светлана будет жить дальше. Будет

жить. Грудинная пила – вертикальный разрез. Нож Лебше продольный. Крючком поднимаю левую часть грудины. Фиксирую ретрактом Финочето. Сердце на ладони. Мышца, а как много вокруг наворачено. Песни, стихи. Душа жилплощадь арендует». – Алан Борисович знал почему так происходит. – «Мозг шифруется. Дымы пускает. Так что никакого сердца. Миокард есть, а сердца нет... Что же тогда так болит глухо-глухо?» Вначале сладко, как растревоженный дырявый зуб. По всему телу и до самых кончиков. Потом боль выпрямилась. Собралась за грудиной в твердый и острый камень. Покачалась на краю. Потомила и вниз за собой потянула. Алан Борисович едва выдохнуть успел. Схватился мертво за край операционного стола. Увидел незнакомые ноги в собственных штанах и ботинках. Тонкая маска на лице стала железной, а смешная полиэтиленовая шапочка резко набрала килограммы. Сдавила виски и придушила мозг. Алан услышал, как журчит резкий белый свет и делится на две половинки старый друг и товарищ анестезиолог Борзенко. Надо было выбираться.

– Сей-час. Я сейчас. – кое-как но выдавил из себя Тумаев. Он вырвал из гладкого пола, превратившегося в студень, носок левого ботинка. Потом носок правого. Сил хватило развернуться на выход.

– Забыл кое-чего. Сейчас. – Алан Борисович спустил маску и вымучил предупредительную улыбку. В коридоре Тумаев добрался до кулера. стаканчиков не оказалось и Алан Бо-

рисович пил воду из сложенной ковшиком ладони. Вода всегда помогала. Нет ничего и важнее и надежней воды. Простенько? Простенько. Грошовая философия. Кроме тех, кто в 10 лет сидел в спортивном зале бесланской школы. Прямо под черной остроугольной бомбой в корзине баскетбольного щита. Алан Борисович многое не помнил. Слиплись воспоминания в невнятный единый комок и потерялись в справедливом небытии жара, равнодушие, которое опаснее страха. Люди, а потом не люди, но серый осадок на крашенных и скрипучих досках. Покорный, не человеческий. И, конечно, Дина. Старшая сестра. Когда началась стрельба и вдоль стен побежали злые черные фигуры, Дина схватила Аланчика за руку и потащила к высокому окну. Дальше Алан все помнил совершенно и никогда не забывал. Взрыв. Он помнил даже его вкус. Водяной. И Дина кричала ему.

– Пчёлка ужалила! Ничего. За мной.

Дина подняла его голову. Не позволила смотреть на ранку, появившуюся на его груди. И вдруг Дина исчезла, а вместо нее через водяную радостную пленку Алан увидел профессора Вознесенского. Борода лопатой. Квадратные очки и голос колокольный. Окончательный.

– Ничего, джигит. Месяц. Два. Будешь бегать. Будешь прыгать. Я знаю.

Вода загасила боль. Алан Борисович продышался, вернулся в ординаторскую и вымыл руки. В маленьком зеркальце увидел то, что должен был увидеть. Решился. «Так и бу-

дет». – подумал – « Иначе горы мне не простят». Твердо и уверенно Алан Борисович Тумаев шел по коридору. В высоких окнах ему навстречу вышагивал ясный и понятный день...

Колясников справился. Приехал быстро и сделал все красиво. «Будет бегать, будет прыгать». Алан Борисович ничего не хотел видеть, потому что все хотели видеть его. Но профессору Вознесенскому он, конечно, не смог отказать. В кабинете, на самом верхнем этаже «Серцеграда», профессор Вознесенский смотрел рентгеновские послеоперационные снимки.

– Аланчик, заходи, дорогой.

Профессор Вознесенский бросил рентгеновские снимки в папку. Положил ее на левый край стола.

– Молодец, Аланчик. Не операция, а песня.

Алан Борисович поморщился. И от громкого голоса и от обиды. Ответил зло.

– Издеваетесь? Я здесь причем? Колясников молодец, а я... Я трус. Плохой человек. Жиес!

– Э-э-э. – замахал руками профессор Вознесенский. – Что за заяц этот тигр. Колясников – ремесленник. Как впрочем и я. Миокард чужой продуть и почистить. Чего может быть проще. А вот сердце. Единственное и родимое. Ковыряться в нем? А может это и не осколок вовсе, а такая себе очередная трабекула. Я бы не смог. Много думал бы и опять бы не смог.

– Вы про кафедру? – не распознал до конца Алан Бори-

СОВИЧ.

Профессор Вознесенский вздохнул. Подошел к Тумаеву и положил ему руку на плечо.

– Про то, что ты Алан Борисович Тумаев рискнул. И не девочкой. Струсил геройски. Понял, наконец? Плохой ты человек.